

Человек и общество Person and Society

DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-457-466

Научная статья / Research Article

От онтологии поступка к исторической ответственности: методология философского исследования

Д.А. Аникин^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация, 119991

² Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, Томская обл., Российская Федерация, 634050

From Voluntary Action's Ontology to Historical Responsibility: Methodology of Philosophical Research

D.A. Anikin^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

² Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, Russian Federation, 634050

В статье автор анализирует методологические подходы к исследованию понятия «историческая ответственность», сравнивая немецкую традицию изучения (Х. Арндт, Т. Адорно) с онтологией поступка М.М. Бахтина. В немецкой традиции, сложившейся под влиянием осмысления Второй мировой войны, упор делается на восприятии ответственности в контексте соотношения с виной, в результате чего возникает существенный вопрос о природе ответственности и ее границах. В частности, Х. Арндт формулирует понятие «банальность зла», акцентируя внимание на исчезновении

© Аникин Д.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

внутреннего восприятия ответственности, но не решает вопрос об истоках возникновения подобного чувства. Русская религиозная традиция, представленная М.М. Бахтиным, позволяет предложить способ решения поставленных вопросов в силу выявления онтологических оснований индивидуальной ответственности. Тем не менее, выводы М.М. Бахтина имеют большое значение и для решения проблемы коллективной ответственности. Бахтин обращается к ответственности как к онтологической характеристике человеческого существования, противопоставляя ее свободе. Ответственность проявляется в поступках, но онтологически предшествует отдельному действию, совершаемому человеком. Роль поступка в том, что он позволяет самому человеку осознать груз ответственности и действовать исходя из этих предпосылок. Перенос методологии Бахтина с индивидуальной на коллективную ответственность позволяет связать момент ее возникновения не с публичным признанием, а с самим фактом вступления индивида в определенное сообщество. Онтологическая целостность индивида приобретает и социальное измерение, причем не только синхроническое, но и диахроническое. По мнению автора, применение методологии Бахтина в сфере социальных исследований позволяет рассматривать проблемы исторической ответственности в контексте более фундаментальных философских вопросов о соотношении индивидуальной и коллективной идентичности, динамики идентичности, сочетании нормативности и вариативности в человеческом поведении.

Ключевые слова: историческая ответственность, поступок, историческая память, вина, онтология

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00421).

История статьи:

Статья поступила 11.01.2020

Статья принята к публикации 22.04.2020

Для цитирования: Аникин Д.А. От онтологии поступка к исторической ответственности: методология философского исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 3. С. 457—466. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-457-466

Abstract. In the article, the author analyzes methodological approaches to the study of the concept of “historical responsibility,” comparing the German tradition of study (H. Arendt, T. Adorno) with the voluntary action’s ontology of M.M. Bakhtin’s. The German tradition, influenced by the thinking of World War II, emphasizes the perception of responsibility in the context of the relationship with guilt, which raises a substantial question about the nature of responsibility and its boundaries. In particular, H. Arendt formulates the concept of “banality of evil,” focusing on the disappearance of internal perception of responsibility, but does not solve the question of the origins of such feeling. The Russian religious tradition, presented by M.M. Bakhtin, allows to propose a way to solve the issues raised due to the identification of ontological grounds of individual responsibility. Nevertheless, M.M. Bakhtin conclusions are also important for solving the problem of collective responsibility. Bakhtin addresses responsibility as an ontological characteristic of human existence, opposing its freedom. Responsibility manifests itself in acts, but ontologically precedes a separate action performed by a person. The role of the act is that it allows the person himself to understand the burden of responsibility and act on these prerequisites. The transfer of the Bakhtin’s methodology from individual to collective responsibility makes it possible to link the moment of its occurrence

not to public recognition, but to the very fact of the individual's entry into a certain community. The ontological integrity of the individual also acquires a social dimension, not only synchronic but also diachronic. According to the author, the application of the Bakhtin's methodology in the field of social research makes it possible to consider problems of historical responsibility in the context of more fundamental philosophical questions about the relationship between individual and collective identity, the dynamics of identity, the combination of regularity and variability in human behavior.

Keywords: historical responsibility, act, historical memory, wines, ontology

Funding and Acknowledgement of Sources. The study was carried out as a part of the project of the Russian Science Foundation, project no. № 19-18-00421.

Article history:

The article was submitted on 11.01.2020

The article was accepted on 22.04.2020

For citation: Anikin D.A. From voluntary action's ontology to historical responsibility: methodology of philosophical research. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020; 24 (3): 457—466. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-457-466

Понятие исторической ответственности возникает на пересечении сразу трех научных дискурсов: исторического, этического и социально-философского. Исторический дискурс ответственности обращает внимание на обязательное соотношение между прошлым и настоящим, ответственность может возникать лишь за тот поступок, который уже имел место когда-то, но при этом основным субъектом ответственности выступает ученый, который обязан актуализировать прошлое, сделать его доступным для современников и потомков. Этический дискурс выстраивает сетку категориальных координат, позволяющих структурировать само понятие ответственности, например, проводит различие между ответственностью и виной, но сводит историческую ответственность к траектории персонального существования. Социально-философский дискурс позволяет представить историческую ответственность не как индивидуальный, а как коллективный феномен, соответственно, поставить вопрос о том, как и при каких условиях возможна ответственность для индивида, не имеющего персональной вины.

Но, даже определяя историческую ответственность как ответственность коллективную, которая возникает у представителей определенного сообщества и напрямую связана с осознанием их принадлежности к данному сообществу, существенным остается вопрос об индивидуальном аспекте признания ответственности и его природе. Насколько важен акт личностного принятия ответственности за прошлое и, что немаловажно, перед кем именно устанавливается эта ответственность?

В немецкой традиции изучения исторической ответственности, представленной К. Ясперсом, Т. Адорно и Х. Арндт, этот вопрос решался неоднозначно.

К. Ясперс в своей работе о немецкой вине постарался структурировать и классифицировать основания для возникновения исторической ответственности, причем на свежем материале последствий Второй мировой войны. Изначальная попытка оправдания немецкого гражданского населения уступает место у Ясперса стремлению философски рассмотреть возможность установления коллективной ответственности в том случае, когда конкретная, юридически устанавливаемая вина отсутствует. Ясперс подчеркивает, что в этом случае вопрос исторической ответственности (трактуемой им как ответственность по отношению к собственному поведению индивида во времена нацистского режима) выпадает из юридической плоскости и становится предметом личного морального выбора [1. С. 15—16].

Т. Адорно в 60-е годы поставил вопрос о необходимости «проработки прошлого», что предполагало осознанное стремление германского народа к установлению коллективной ответственности, причем любопытным аспектом данной позиции являлась детерминация акта признания ответственности не прошлым, а будущим. Историческая ответственность за преступления нацистского режима должна быть установлена не столько в силу их бесчеловечности и чудовищности, сколько в силу возможности их повторения без принятия соответствующих усилий. Адорно обращается уже не только к очевидцам и свидетелям нацистского режима, но и к следующему поколению, делая их соучастниками процесса коллективного покаяния. При этом он лишь имплицитно подразумевает, что поколенческая пролонгация ответственности, нацеленная на будущее, оказывается возможна лишь в условиях сохранения коллективной идентичности, стремящейся обеспечить свое воспроизводство [2. С. 36—45].

Пожалуй, наиболее ярко к проблеме исторической ответственности обратилась Х. Арндт, которая в работах 60-х годов смогла, с одной стороны, диагностировать поведенческие характеристики, сделавшие возможным установление тоталитарного режима, а с другой — обозначила серьезную проблему границ ответственности. В самом деле, ответственность подразумевает саму возможность наличия вины, что отчетливо видно в уголовном законодательстве, где обстоятельством, избавляющим от ответственности, становится сумасшествие человека, совершившего преступление. Невозможность приписывания вины становится основанием невозможности установления ответственности, но при этом возникает логичный вопрос: означает ли это обстоятельство потенциальный отказ от самой идеи коллективной ответственности? Эта мысль крайне важна для Арндт, поэтому она возвращается к ней в нескольких статьях, смещая акцент с момента совершения действия или несовершения действия на момент признания ответственности за него [3. С. 205—226].

Такая трактовка позволяет предписать ответственность индивиду даже в том случае, когда юридических оснований для возникновения правовой ответственности просто нет, причем, вполне закономерно, что подобная

ответственность превращается из сугубо юридического в социальный феномен, а акт ее признания становится, по сути, аналогом учреждения демократического сообщества, размежевавшегося с тоталитарным режимом. Правда, по-прежнему существенным остается вопрос о том, возможно ли установление ответственности за то действие, которое в момент его совершения не являлось преступлением с правовой точки зрения и, соответственно, не требовало от совершающего его индивида внутреннего осознания виновности деяния? Перефразируя терминологию Х. Арндт, этот же вопрос следовало бы задать иначе — если точкой возникновения является свободный акт ее признания, то может ли вообще ответственность существовать в условиях тоталитарного режима, где вовлеченность человека в политические и социальные процессы зачастую не связана с его личным выбором? Обоснование возможности установления ответственности в подобных условиях остается «за скобками» в работах самой исследовательницы.

Если немецкая традиция исследования ответственности связывала данную проблематику с необходимостью переживания исторической вины за нацистский режим, что наложило несомненный отпечаток на теоретические аспекты исследования и полученные выводы, то другие подходы для анализа данной проблематики привлекались достаточно редко. Хотя стоит отметить, что именно этико-философские подходы могли бы дать методологию изучения исторической ответственности, а также предложить варианты разрешения поставленных проблем.

Попытку ответа на эти существенные для концептуализации исторической ответственности вопросы можно найти в работах М.М. Бахтина. Проблема ответственности относится к числу наиболее значимых для него. Уже в своей ранней работе «Искусство и ответственность» он утверждает: «Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг в друга в единстве вины и ответственности» [4. С. 7]. В более зрелой работе «К философии поступка» философ опирается на традицию русской религиозной философии, анализируя возможность ее применения к описанию этико-антропологических феноменов и тем самым задавая крайне любопытный аспект анализа, позволяющий рассматривать онтологию поступка в качестве одной из существенных методологических предпосылок изучения исторической ответственности [5. Р. 15—16].

Поступок, по Бахтину, неразрывно связан с ответственностью. Можно даже сказать шире — поступок оказывается возможен именно в силу изначально существующей на онтологическом уровне ответственности, по отношению к которой любая специальная ответственность, которая устанавливается в конкретном случае, выступает лишь вторичным проявлением [6. С. 144; 7. С. 93—97]. Но диалектическая связь между поступком и ответственностью заключается в их взаимодополняемости: не только поступок

определяется ответственностью, но и ответственность оказывается невозможна без поступка. «Ответственность поступка есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности; ответственность поступка знает единый план, единый контекст, где этот учет возможен, где и теоретическая значимость, и историческая фактичность, и эмоционально-волевой тон фигурируют как моменты единого решения, причем все эти разнозначные при отвлеченной точке зрения моменты не обедняются и берутся во всей полноте и всей своей правде; есть, следовательно, у поступка единый план и единый принцип, их объемлющий в его ответственности» [8. С. 101].

Такое понимание поступка позволяет уйти от психологизма и субъективизма, поскольку выясняется, что не каждое действие может быть названо поступком. Действие может иметь биологический или произвольный характер, в то время как поступок всегда предполагает определенную глубину и перспективу — он, с одной стороны, создает ответственность для конкретного эмпирического субъекта в конкретной временной ситуации, но с другой стороны — лишь раскрывает ту глубинную связь, которая онтологически имеет место. Более того, поступок становится точкой соприкосновения двух миров — культуры и жизни, противоречие и даже противостояние которых становится одной из существенных тем в философии Бахтина [9. Р. 40—41]. С одной стороны, каждый поступок выражает определенные культурные нормы, предписывающие тот или иной способ поведения, но, с другой стороны, отдельный поступок является результатом жизненного выбора, сделанного конкретным человеком в конкретной ситуации. Поступок обладает онтологической глубиной, но при этом глубина не раскалывает человека, а, наоборот, позволяет ему ощутить собственное единство, «склеить» себя из отдельных фрагментов существования [10].

В этом смысле целостность поступка, на которой особенно акцентирует внимание М.М. Бахтин, реализуется сразу на двух уровнях — онтологическом и антропологическом. Онтологическая целостность, напрямую отсылающая к категории «всеединство», представляет собой неразрывную связь индивидуальной ответственности и ответственности «как таковой», абсолютного морального принципа. Антропологическая целостность устанавливает взаимосвязь между отдельными поступками индивида (и, соответственно, между частными видами ответственности) и его общими нравственными характеристиками [11. Р. 48].

Нетрудно заметить, что для Бахтина существование индивида оказывается напрямую сопряжено не со свободой, а с ответственностью, которая укоренена в самой структуре бытия. Человек не сводится к своему биологическому и физическому существованию, он является частью онтологически целого, поэтому обречен если не на неизбежную вину, то на осознание обязательной ответственности за каждый совершенный поступок. Как подчеркивает А.А. Гусейнов, «Поступок изначален, он выражает бытийную

укорененность субъекта. Не-алиби в бытии означает, что человеческий индивид не может не быть, не может не долженствовать. Индивид, хочет он того или нет, несет на себе тяжесть бытия, несет ее именно в силу невозможности избавиться от нее» [12. С. 60]. Индивид обречен на совершение поступков подобно тому, как уже по своей природе обладает ответственностью за совершаемое действие, даже в том случае, если он не сразу в состоянии эту ответственность осознать.

Более того, в качестве такого поступка может выступать не только действие, но и отдельная мысль, но только в том случае, если эта мысль выражает в сжатой форме осознание индивидом единство собственного существования. Как поясняет этот тезис сам М.М. Бахтин, «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления» [8. С. 105].

Из этого следует, что поступком может являться не только конкретное действие, но и мысль человека, определяющая его отношение к миру, а также бездействие, выступающее следствием этой мысли. Бездействие не снимает ответственности, поскольку само по себе является результатом решения человека — в данном случае решения не действовать. Противоположностью поступка, по Бахтину, является ритуальное действие, потому что оно позволяет индивиду абстрагироваться от происходящего, снять с себя ответственность или, точнее говоря, сделать вид перед самим собой и перед окружающими, что при совершении данного действия ответственность отсутствует [13. С. 46—47]. Из этого не следует, что ответственность полностью исчезает, скорее, оно перенаправляется с конкретных индивидов на безликий порядок. Современные исследователи указывают: «Принимать на себя ответственность иным способом — значит становиться тем, кого Бахтин называл самозванцем. Этим словечком он обозначал не того, кто притворяется кем-то другим, а того, кто уклоняется от осуществления программы самосовершенствования и пытается таким образом жить вне идентификации себя с собою самим» [14. Р. 14—15].

Какие же существенные аспекты исторической ответственности позволяет раскрыть обращение к онтологии поступка М.М. Бахтина? Прежде всего, обозначить проблему соотношения субстанциальности и конструктивизма в обращении к прошлому, что представляется особенно актуальным в контексте современных мемориальных практик. В самом деле, вопрос об исторической ответственности напрямую связывается с вопросом об исторической достоверности и, соответственно, с возможностью трансформации ответственности или даже отказа от нее. Идея акта признания ответственно-

сти как поступка, совмещающего в себя онтологическую отсылку к объективной исторической реальности и этический императив необходимости актуализации данной реальности в современных условиях, представляется рациональным разрешением дихотомии субстанция/конструкт. Иначе говоря, мы имеем дело со своеобразным сочленением прошлого, настоящего и будущего, в котором устанавливается необходимость сохранения определенных характеристик прошлого для поддержания коллективной идентичности, причем не только в пространственном, но и во временном измерении [15. Р. 61—62].

Означает ли это, что акт признания ответственности является актом ее возникновения? С онтологической точки зрения так было бы утверждать неверно, особенно в случае индивидуального существования. М.М. Бахтин приводит пример с письмом, в котором актом установления ответственности является момент подписи этого письма, даже в том случае, если его текст написан другим человеком. Применительно к отдельному индивиду можно сказать, что именно совершение им поступка означает принятие ответственности — вне зависимости от того, насколько публичным поступок является. Но, применительно к коллективному субъекту, ситуация оказывается немного сложнее, поскольку приходится говорить об акте установления ответственности по отношению к человеку, который не совершал того действия, ответственность за которое он должен понести. Соответственно, возникает вопрос о том, что будет являться в данном случае аналогом «подписи» из приведенного Бахтиным примера [16. Р. 3].

Ответ на этот вопрос связан с возможностью выделения не только индивидуальной, но и коллективной идентичности в структуре человеческого сознания. Человек не только обладает связностью моментов своего персонального существования, что позволяет ему ощущать внутреннее единство с самим собой как субъектом действия, совершенного в прошлом, он еще фиксирует свое существование в рамках определенной социальной общности. Следовательно, концептуализированная Бахтиным онтология поступка позволяет утверждать, что коллективная ответственность создается фактом вступления индивида в определенное сообщество, именно это действие и имеет смысл называть поступком, конституирующим историческую ответственность, выходящую за пределы индивидуального существования [17. С. 118—120]. В самом деле, индивид приобретает коллективную ответственность именно в тот момент, когда он соглашается быть представителем определенного сообщества, а не когда становится участником, свидетелем или хотя бы современником преступного деяния. Пусть даже эта идентичность связана исключительно с «воображаемым сообществом», как это и имело место в исторических катаклизмах XX века, но, соответственно, акт ее признания обладает обязательностью и необратимостью.

Другой вопрос, который логически вытекает из понимания исторической ответственности как продукта социальной идентификации индивида, касается подвижности и текучести самих сообществ в условиях современного мира и, соответственно, трансформации границ исторической ответственности в условиях изменения конфигурации социального пространства. Эта проблема не только имеет прикладное значение для разрешения политических конфликтов по поводу переосмысления исторического прошлого, но и выходит на уровень переосмысления фундаментальных философских вопросов, касающихся человека и общества.

Список литературы

- [1] *Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999. 218 с.
- [2] *Адорно Т.* Что означает «проработка прошлого» // *Неприкосновенный запас*, 2005, № 2—3. С. 36—45.
- [3] *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 368 С.
- [4] *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С.7—8.
- [5] *Pechey G.* Mikhail Bakhtin: The Word in the World. London: Routledge, 2007. 202 p.
- [6] *Белов В.Н.* «Вечные проблемы» в исследовании творчества М.М. Бахтина // *Философский полиглот: Журнал международного центра изучения русской философии*. Вып. 1. СПб., 2017. С. 143—155.
- [7] *Белов В.Н.* Восприятие М.М. Бахтина на Западе: несколько общих замечаний // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. Т. 21. № 1. 2017. С. 93—97.
- [8] *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Философия и социология науки и техники*. Ежегодник 1984—1985. М., 1986. С.80—160.
- [9] *Burton S.* Bakhtin, Temporality, and Modern Narrative: Writing “the Whole Triumphant Murderous Unstoppable Chute” // *Comparative Literature*. 1996. Vol. 48, No. 1. P. 39—64.
- [10] *Hirschkop K., Shepherd D.* Bakhtin and cultural theory. Manchester University Press, 1989. 188 p.
- [11] *Shevtsova M.* Dialogism in the Novel and Bakhtin's Theory of Culture // *New Literary History*. 1992. Vol. 23. No. 3. P. 747—763.
- [12] *Гусейнов А.А.* Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина) // *Вопросы философии*. 2017. № 6. С. 59—72.
- [13] *Писарчик Т.П.* Разработка методологии гуманитарного познания и проблема диалога в концепции М.М. Бахтина // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012. № 7. С. 46—54.
- [14] *Morson G.S., Emerson C.* Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics. Stanford: Stanford university press, 1990. 530 p.
- [15] *Kim G.* Mikhail Bakhtin: The philosopher of human communication // *The University of Western Ontario Journal of Anthropology*. 2004. № 1. P. 53—62.
- [16] *Schuster C.* Mikhail Bakhtin as Rhetorical Theorist // *Landmark Essays on Bakhtin, Rhetoric, and Writing*. Ed. Frank Farmer. Mahwah: Hermagoras Press, 1998. P. 1—14.
- [17] *Ольхов П.А.* Историзм М.М. Бахтина и современные проблемы эпистемологии исторического знания // *Философия и культура*. 2011. № 7. С. 116—124.

References

- [1] Jaspers K. *Question of guilt. On Germany 's political responsibility*. Moscow: Progress, 1999. 218 p.
- [2] Adorno T. What is meant by “working out the past”. *Neprikosnovennyj zapas*. 2005; (2—3): 36—45.
- [3] Arendt H. *Responsibility and judgment*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 368 p.
- [4] Bakhtin MM. Art and Responsibility. In: Bakhtin MM. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art, 1986. P. 7—8.
- [5] Pechey G. *Mikhail Bakhtin: The Word in the World*. London: Routledge; 2007. 202 p.
- [6] Belov VN. "Eternal Problems" in the Study of Creativity of M.M. Bakhtin. *Filosofskij poliglot: Zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii*. 2017; 1: 143—155.
- [7] Belov VN. Perception of M.M. Bakhtin in the West: some general comments. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017; 21(1):93—97.
- [8] Bakhtin MM. To Philosophy of Action. *Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook 1984—1985*. Moscow: Nauka; 1986. P. 80—160.
- [9] Burton S. Bakhtin, Temporality, and Modern Narrative: Writing “the Whole Triumphant Murderous Unstoppable Chute”. *Comparative Literature*. 1996; 48 (1): 39—64.
- [10] Hirschkop K, Shepherd D. *Bakhtin and cultural theory*. Manchester University Press; 1989. 188 p.
- [11] Shevtsova M. Dialogism in the Novel and Bakhtin's Theory of Culture. *New Literary History*. 1992; 23 (3): 747—763.
- [12] Guseynov AA. The Philosophy of the Act as the First Philosophy (An Interpretation of Bakhtin’s Moral Philosophy). *Voprosy Filosofii*. 2010; 6: 59—72.
- [13] Pisarchik TP. Development of the methodology of humanitarian knowledge and the problem of dialogue in the concept of M.M. Bakhtin. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012; (7): 46—54.
- [14] Morson GS, Emerson C. *Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics*. Stanford: Stanford university press, 1990. 530 p.
- [15] Kim G. Mikhail Bakhtin: The philosopher of human communication. *The University of Western Ontario Journal of Anthropology*. 2004; (1): 53—62.
- [16] Schuster C. Mikhail Bakhtin as Rhetorical Theorist. *Landmark Essays on Bakhtin, Rhetoric and Writing*. Ed. Frank Farmer. Mahwah: Hermagoras Press; 1998. P. 1—14.
- [17] Olkhov PA. Historism M.M. Bakhtin and modern problems of epistemology of historical knowledge. *Filosofiya i kul'tura*. 2011; (7): 116—124.

Сведения об авторе:

Аникин Даниил Александрович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики, Московский государственный университет, Москва, Россия; научный сотрудник, Томский государственный университет, Томск, Россия (e-mail: dandee@list.ru).

About the author:

Anikin Daniil A. — Cand.Sc. in Philosophy, Docent at the Faculty of Political science, Moscow State University, Moscow, Russia; Research assistant, Tomsk State University, Tomsk, Russia (e-mail: dandee@list.ru).